

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-6
УДК 94(560)

Андрей Александрович Михайлов
научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
(военной истории Северо-западного региона РФ)
научно-исследовательского института (военной истории)
Военной академии генерального штаба ВС РФ
Санкт-Петербург, Россия
dragun66@mail.ru

**Рецензия на кн.: Саргис Торосян «От Дарданелл до Палестины.
Воспоминания армянского офицера турецкой армии»**

Аннотация. В рецензии дается оценка значения выхода в свет воспоминаний турецкого офицера армянского происхождения о событиях Первой мировой войны на различных ее фронтах, а также об уничтожении в Османской империи армян. Уникальность опыта С. Торосяна проливает свет на многие моменты, вызывающие споры историков и политиков прошлого и настоящего.

Ключевые слова. Первая мировая война, геноцид армян 1915 года, Османская империя, младотурецкое движение, Галлиполийская операция 1915 года, Армянский легион

Введение

В 2014 г. Музей-институт геноцида армян Национальной академии наук Республики Армения (Ереван) опубликовал на русском языке воспоминания Саргиса Торосяна (1891– 1954) «От Дарданелл до Палестины. Воспоминания армянского офицера турецкой армии». Их автор – человек очень непростой судьбы. Будучи этническим армянином, он служил в армии Османской империи, в ее составе участвовал в нескольких сражениях Первой мировой войны, потерял родных и близких во время развернутых турками против армян гонений, затем боролся против сторонников Мустафы Кемала Ататюрка в рядах Армянского легиона, содействовал антитурецким выступлениям среди арабов.

Директор Музея-института геноцида армян, д-р ист. наук Г.А. Демоян в кратком предисловии к русскоязычному изданию назвал мемуары Торосяна «беспрецедентной и исключительной по своему содержанию книгой», повест-

вующей о жизни, в которой «переплелись геройство и самоотверженность, предательство и происки недоброжелателей, любовь и боль утраты» [1, с. 3].

Первое издание мемуаров С. Торосяна увидело свет в 1947 г., в США, на английском языке [2] с предисловием Джона Арчибальда Мак-Каллума (1892–1973), видного австралийского политического деятеля и педагога, которому в 1916–1917 гг., в составе британской армии, участвовать в боях с турками в Египте и с немцами во Франции.

Основная часть

Характеризуя публикуемые мемуары, Мак-Каллум отметил их значимость как источника по истории Первой мировой войны и, особенно, противоборства стран Антанты с Турцией. «Историки последующих лет, изучающие Великую войну, – писал он, – исследуя трагически безуспешные действия Союзников при Дарданеллах, а также завоевание Палестины генералом Алленби, обнаружат, что данная книга является ценным источником информации, и найдут в ней материал, который сделает их повествование более детальным» [1, с. 13]. Отметил Дж. Мак-Каллум также и мощнейший антивоенный потенциал военных мемуаров Торосяна. По его убеждению, каждый прочитавший книгу, отложил бы ее «с решительным намерением сделать все возможное, для того, чтобы был найден лучший способ решения наших политических, расовых, религиозных разногласий, нежели применение оружия» [1, с. 13].

Эти оценки представляется интересным дополнить рассуждением Г.А. Демояна, который указал на то, что мемуары Торосяна позволяют увидеть многие события Первой мировой войны на Востоке в неожиданном ракурсе, приводят к заключениям, далеким от устоявшихся оценок и характеристик. Подобная черта диктуется уже самой личностью и биографией автора, который за несколько лет прошел путь от ревностной службы в турецкой армии до непримиримой борьбы против тех сил, которые выступали под знаменем турецкого патриотизма.

«Параллельные истории..., – пишет в связи с этим Г.А. Демоян, – Недосказанные и умышленно сокрытые под запретом чьих-то интересов, они, без всяких оговорок, тоже являются частью целого и, поэтому достойны быть представлены на суд читателя...» [1, с. 5]. Отрицать данное положение не придется, равно, как нельзя недооценивать и того, что многие суждения С. Торосяна диктовались обстоятельствами его личной, драматической и неординарной судьбы. Это обстоятельство, однако, не снижает ценности мемуаров, как исторического источника, а в определенной степени, даже делает их особенно интересными.

Публикация воспоминаний С. Торосяна на русском языке, несомненно, – важное событие и для историков, профессионально изучающих Первую миро-

вую войну, и для всех, интересующихся ее событиями. Поэтому можно лишь сожалеть, что книга вышла очень небольшим тиражом – всего 500 экземпляров.

Саргис Торосян родился в г. Эверек (в области Кесария), в большой и относительно обеспеченной армянской семье. По его воспоминаниям, с самого раннего детства он жил в обстановке постоянной тревоги и страха, которые испытывали армяне за свою безопасность и саму жизнь в Османской империи. «Когда я вспоминаю свое отрочество, – пишет С. Торосян, – мне кажется, что в самой атмосфере, самих домах, в которых мы жили, в церквах, в которых мы молились, в школах, в которых мы учились, было что-то военное. Мы словно жили в осажденном городе, в военном лагере, только в нем не было оружия, потому что ни одному христианину в Османской Турции не разрешалось держать оружие, даже саблю. Воздух, постоянно заряженный слухами, до предела натянутой сдержанностью, мрачным терпением и бесконечным страхом, был всегда наэлектризован» [1, с. 18].

Тем не менее, у Саргиса Торосяна уже в юности зародилась необыкновенно дерзкая мечта: стать офицером турецкой армии. Действовавшее законодательство, казалось, создало на его пути непреодолимые преграды. Однако Торосян в период обучения в Государственном училище в Адрианополе (Эдирне) сдружился с молодым арабом Мухарремом, отец которого был бригадным генералом. Благодаря протекции этого влиятельного военного, юный С. Торосян был зачислен вместе с Мухарремом в Артиллерийское училище в Стамбуле.

По завершении училищного курса, в 1914 г., Торосян получил чин «второго лейтенанта» [1, с. 24]¹ и был отправлен в трехмесячную учебную поездку в Германию. Перед вступлением Турции в Первую мировую войну он был назначен командиром форта «Эртогрул» на мысе Геллес (юно-западная оконечность Галлиполийского полуострова), который защищал вход в пролив Дарданеллы.

Начало Мировой войны вызвало у молодого офицера не только (и даже не столько) тревогу, сколько воодушевление и мечты о военных подвигах. «Мы были молоды, и война казалась нам большим приключением и обещала награды и почести. – С грустью замечает мемуарист, описывая собственные и своих друзей настроения, – Мы никогда не задумывались над грохотом битвы, над этим чудовищным, кровавым отвратительным хаосом» [1, с. 25].

Впрочем, оптимизму молодых офицеров в немалой степени способствовала общая атмосфера в турецком обществе того времени. В мемуарах ярко и достоверно описан подъем воинственного патриотизма летом – осенью 1914 г.:

---

¹ Этот английский термин использован в переводе; соответствующий турецкий термин – «mülazım- isanı» («мулазим-и сани»). Иногда он переводится также, как «младший лейтенант», или в дореволюционных русских изданиях – подпоручик.

«Константинополь был полон бурных слухов. Повсюду играли оркестры; маршировали солдаты, сверкали штыки; на улицах то и дело встречались подтянутые немецкие офицеры – их прибыло так много, словно это была иммиграция; гарцевали кавалеристы; слышалось бряцание шпор; развевались флаги; раздавались ликующие восклицания, крики; <...>» [1, с. 25].

Нетрудно заметить, что сцены, описанные Торосяном, очень напоминают те, что разыгрывались в то время в Санкт-Петербурге и Москве, Вене и Берлине, Лондоне и Париже, в больших и малых городах всех государств, вступивших или готовых вступить в жестокую борьбу.

3 ноября 1914 г. англо-французская эскадра под командованием британского вице-адмирала Сэвилла Кардена произвела бомбардировку внешних укреплений Дарданелл. Правда, форт «Эртогрул», на котором находился С. Торосян, не пострадал, но молодой офицер стал очевидцем страшных разрушений и гибели людей в соседнем форте «Сеуд-уль-Бахр», где британский снаряд попал в склад боеприпасов.

Советский военный историк А. Коленковский, опираясь на германские источники, об итогах обстрела писал: «Взорвалось 360 снарядов и 10 000 кг пороха. Во время взрыва на Седд-эль-Баре (так в тексте – А.М.) были временно выведены из строя все 6 орудий, из которых четыре были приведены в боевое состояние через несколько дней, а два бездействовали долгое время. <...> Англичане считают, что на Седд-эль-Баре было убито и ранено до 80 чел.» [3, с. 20].

Для Торосяна, ставшего непосредственным очевидцем боя, все выглядело гораздо более страшным и трагичным. По его мнению, на форте погибло до 500 солдат и офицеров. «Они, – писал мемуарист, – были в буквальном смысле разорваны на куски. Единственным, кто остался в живых, был полковник Халилбей. Когда я увидел его, он был обезумевшим от пережитого» [1, с. 31].

Стоит отметить, что бомбардировка 3 ноября производилась с целью удержать Турцию от вступления в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии, но ее политический итог оказался прямо противоположным [4, с. 92–93]. Однако молодого офицера-армянина она потрясла, развеяв многие иллюзии. «Для меня становилось все более очевидным, – вспоминал Торосян, – что война – весьма отвратительное дело <...>» [1, с. 31].

13 декабря 1914 г. С. Торосяну пришлось наблюдать еще один, прискорбный для турок, эпизод борьбы за Проливы: британская подводная лодка потопила турецкий линкор «Мессудие»². «Я видел, – повествовал мемуарист, – как матросы в суматохе бросались к спасательным шлюпкам. Некоторые прыгали за борт. Все это казалось безумным, невероятным. <...> Повсюду на поверхно-

---

² По данным А. Мурхеда «Мессудие» потопила подводная лодка «В-11» под командованием лейтенанта Н. Холбрука // Мурхед А. Борьба за Дарданеллы. М., 2004. С. 31–32.

сти были люди; ко дну пошел куттер; на воде покачивались спасательные круги; люди тонули. Когда корабль исчез с поверхности, огромный столб воды взметнулся вверх» [1, с. 32].

В феврале 1915 г., во время предпринятой британцами масштабной операции против турецких укреплений на берегах Дарданелл, С. Торосян оказался в самой гуще событий. 19 февраля во время нового обстрела турецких укреплений, батареям форта «Эртогрул» пришлось вести непосредственную борьбу с английскими и французскими кораблями. Исход боя был для турок неудачен [4, с. 161–164]. По рассказу Торосяна, британский дредноут «Куин Элизабет» два часа «вел непрерывный обстрел, пока форт Эртогрул не превратился в руины» [1, с. 37].

Бомбардировка повторилась 5–7 и 18 марта [4, с. 177, 192]. Торосян, командуя артиллеристами, неоднократно проявлял личную отвагу и хладнокровие, но 18 марта был ранен осколками случайного снаряда и оказался в госпитале. Британцам и французам, как известно, захватить пролив Дарданеллы не удалось. Впоследствии, размышляя о причинах такого исхода операции, С. Торосян утверждал, что англо-французское командование сознательно ослабило напор, так как полный разгром Турции привел бы к резкому усилению в регионе России.

«Видение имперской России, державшей Константинополь, – утверждал Торосян, – ужасало маленьких людей из канцелярии; оно было для них ночным кошмаром и потому то, что могло стать легкой победой, было превращено в весьма жалкое неубедительное поражение» [1, с. 45].

Многие военные историки, однако, придерживались иного мнения, полагая, что военное руководство стран Антанты просто осознало невозможность овладеть Дарданеллами с помощью одних лишь кораблей, без высадки десанта [3, с. 56–57].

Мужество, проявленное С. Торосяном при обороне Дарданелл, привлекло к нему внимание высшего турецкого командования и принесло чин капитана³. Более того, молодого офицера удостоил аудиенцией военный министр Энвер-паша. «Его превосходительство, – вспоминал Торосян, – пристально меня рассматривал, а потом встал и представил меня своим немецким советникам Лиману фон Сандерсу и генералу фон дер Гольцу, назвав меня армянским героем Дарданелл [1, с. 53]. Всесильный военный министр расспросил новоиспеченного капитана о достоинствах и недостатках укреплений Дарданелл, а затем предложил на выбор два назначения: вернуться в форт «Эртогрул» или получить в командование дивизион в составе артиллерийского полка восьмой дивизии. Торосян выбрал второе. Полк, впрочем, дислоцировался также на берегах

³ Видимо, чин юзбаша.

Дарданелл, недалеко от форта Сед-уль-Бахр, захваченного английским десантом.

С июня 1915 г. турецкое правительство начало депортацию и жестокие преследования армянского населения Империи [5, с. 83]. Несмотря на все заслуги Торосяна, его родителей тоже депортировали и, после многих испытаний, они погибли. Судьба их, впрочем, долгое время оставалась С. Торосяну неизвестной.

Пострадали также многие родные и близкие «армянского героя Дарданелл». Кроме того, по рассказу Торосяна, на него самого было совершено покушение, организованное одним из виднейших лидеров младотурков Талаат-пашой. Тем не менее, он оставался в рядах турецкой армии, летом – осенью 1915 г. принял участие в боевых действиях на Галлиполийском полуострове, по-прежнему, демонстрируя стойкость, хотя все чаще размышлял о разрыве с турками и, даже, о мести им.

В сентябре 1916 г. С. Торосян был назначен помощником командира 46-го артиллерийского полка, который действовал на Македонском фронте. В ноябре его перевели на должность командира 51-го артиллерийского дивизиона, который участвовал в германо-турецком наступлении на Румынском фронте. В этих боях Торосян вновь проявил отвагу, получил ранение и заслужил боевые ордена. Посвященные этому периоду службы мемуары содержат интересные описания боевых действий, турецкой армии и ее союзников: немцев и болгар.

В конце 1916 г. 51-й дивизион был отозван в Стамбул. Вскоре после этого С. Торосян вернулся в «свой» 46-й артиллерийский полк и с ним отправился на Месопотамский фронт. На пути к новому месту службы он постоянно встречал армянских беженцев и стал свидетелем многих страданий и бедствий, постигших армян Османской империи.

Самому Торосяну в Месопотамии тоже пришлось пережить немало тяжелых испытаний. Вот как описывает он, например, марш к Мосулу, в конце мая – начале июня 1917 г.: «Дорога была неровной, усыпанной острыми камнями. Пустыни сменялись малярийными болотами. Это серьезно замедляло движение и погружало в уныние. Солнце жгло беспощадно, и в конце концов ехать дальше днем стало невозможно. Мы сжимались в укрытиях в густых болотах, пытались проспать до захода солнца, а вечером вновь отравлялись в путь до самого рассвета. Воды было так мало, что зачастую нам приходилось выкапывать слякоть в болотах и кипятить грязную, кишасшую микробами жидкость, чтобы хоть как-то утолить жажду. Комары налетали на нас роями. Сотни людей погибли от вспыхнувшей малярии и тифа. <...> Последнюю часть пути мы прошли днем и 9 июня 1917 г. в Мосул вступили, сгрудившись в некоем отдаленном подобии строя, отряды призраков с огромными округлившимися глазами и почерневшими губами» [1, с. 104].

Весьма сложными и далеко не всегда мирными были отношения турецкой армии с местным населением. С. Торосян в мемуарах очень выразительно и ярко описывает нравы арабов Месопотамии. «...Отношение к чужакам, – повествует он, – различалось от племени к племени. Как правило, они вели себя с гостями достаточно дружелюбно, но рассказывали также, что в некоторых из них гостей могли встретить с пышным пиром, а после того как чужаки, наевшись досыта, засыпали, на них нападали и убивали» [1, с. 105].

В конце июля 1917 г. С. Торосяну пришлось участвовать в весьма опасном предприятии – экспедиции во владения одного из арабских шейхов с целью получить от него продовольствие для турецкой армии. «За две недели до нашего прибытия в Мосул, – рассказывал Торосян в мемуарах, – генерал Халил-паша, столкнувшись с нежеланием самых крупных из упомянутых племен платить продовольственную дань, отправив к ним полторы тысячи турецких солдат с целью потребовать от них продовольствие, в случае же дальнейшего сопротивления – обыскать и забрать его силой. Солдаты так и не вернулись, а в качестве ответа генералу послали мешки с отрубленными головами офицеров» [1, с. 106].

Попутно стоит заметить, что упомянутый выше Халил (иначе Халиль)-паша, командовавший турецкими войсками на Месопотамском фронте, приходился дядей Энвер-паше, в 1914 г. участвовал в боях на Кавказе и снискал мрачную славу жестокими расправами с армянским и греческим населением. Волне понятно, что неудачи в действиях этого военачальника Торосян описывал особенно тщательно.

Получить продовольствие мемуаристу удалось. При этом чтобы расположить к себе шейха, он прибег к весьма смелому приему: помог арабам разгромить соседних курдов. В начале октября 1917 г. 46-я дивизия, в составе которой находился артиллерийский полк Торосяна, была, в связи с наступлением англичан, переведена на «передовую линию фронта» [1, с. 111] на берега реки Тигр. В последовавших за тем боях автор воспоминаний в очередной раз проявил свои командные таланты. Среди прочего, он, чтобы сбить с толку британских летчиков, распорядился (по собственному рассказу) «соорудить бутафорские пушки из дымовых труб и разместить их в наиболее заметных для противника местах» [1, с. 112]. Прием оказался эффективен лишь отчасти, бомбардировки с воздуха нанесли туркам существенный урон, сам Торосян вновь получил ранение, на этот раз в руку. Пришлось также отражать атаки британской пехоты (преимущественно индийских войск).

В начале декабря 1917 г. 46-я дивизия была переведена на Палестинский фронт. Первоначально она сосредоточилась в районе селения Тель-Халаф (в Сирии). Здесь Торосян узнал, что неподалеку находится большой лагерь для депортированных армян. Посетив его, он встретил свою сестру, от которой узнал о смерти родителей и страданиях семьи. Рассказ сестры, вид людей одной с ним национальности, насильно изгнанных из собственных домов, подвергших-

ся издевательствам, естественно, еще больше ожесточил Торосяна против турецких властей.

На Палестинском фронте 46-й артиллерийский полк Торосяна расположился недалеко от города Наблуса (на западном берегу реки Иордан). Здесь ему пришлось вновь столкнуться с трудностями, связанными с местным климатом и природой. С. Торосян вспоминал: «Жара стала невыносимой. Лагеря наводнили рои комаров, слетавшихся с близлежащих болот и разносивших тиф и малярию. Госпитали были переполнены сотнями офицеров и солдат, иногда выходивших из строя на целых пять-шесть недель» [1, с. 131].

Весной – летом 1918 г. 46-й полк принял участие в жарких боях, развернувшихся на завершающем этапе Синайско-Палестинской кампании. Турецкие войска были в них буквально измотаны и обескровлены, моральный дух их упал очень низко [6, с. 199]. На С. Торосяна особенно сильно действовали слухи о том, что в новом наступлении на турецкие силы, кроме британцев и французов, будет участвовать Армянский легион (что, соответствовало истине [1, с. 134]. Впрочем, вскоре в его жизни произошли кардинальные перемены.

В середине августа контакт с С. Торосяном установили арабские сторонники независимости от Османской империи. Они без особого труда уговорили его присоединиться к их борьбе. По рассказу самого мемуариста, в то время он потерял свою возлюбленную – приемную дочь арабского паши и армянку по национальности, умершую от чахотки. Личная трагедия, виденные ужасы войны, жестокие гонения правительства на армян – все это сделало намерение бороться против османской власти твердым и необратимым.

На нескольких встречах с арабскими вождями С. Торосян разработал план действий. Он взял на себя обязательство при первом же крупном наступлении англо-французских войск организовать переход на их сторону арабских кавалеристов, мобилизованных в турецкую армию. Соответствующая возможность представилась и была использована 20 сентября 1918 г. Торосян очень эмоционально описывает, как во главе арабского отряда всадников громил тылы 7-й и 8-й турецких армий, отходивших под напором британцев.

Арабскими воинами он буквально восхищался: «За всю военную карьеру я не видел такой пронизательности, боевой готовности, такой безрассудной храбрости и дисциплины, как те, что проявляли эти всадники пустыни» [1, с. 151]. С симпатией писал он также о будущем короле Ирака, Фейсале Ибн Хусейне (1883–1933), командовавшем арабскими войсками в экспедиционном корпусе генерала Э. Алленби.

Прославленный британский разведчик и путешественник, один из организаторов Арабского восстания, Лоуренс Аравийский, напротив, особого восторга у С. Торосяна не вызывал. Мемуарист утверждал, тот был лишь «казначеем», которому «шейхи и их солдаты приносили для оплаты свои векселя, предварительно утвержденные арабскими лидерами» [1, с. 154].

В начале 1919 г. Торосян во главе небольшого отряда добровольцев-армян был направлен в Киликию, занятую Армянским легионом [7, с. 85]. Его целью была защита местного населения и борьба с многочисленными турецкими отрядами, нападавшими на беженцев, возвращавшихся в родные места, и на мирных жителей. Однако очень скоро его положение, как и положение Армянского легиона, стало непростым и опасным: Англия и Франция отказались от вооруженной борьбы против Турции, их войска постепенно выводились из Киликии.

Торосян расценивал нежелание Союзников продолжать войну с Турцией как предательство. В качестве одного из примеров того, к чему их позиция приводила, он описал события в г. Мараше. «...Войска французов, – говорится в мемуарах, – были отозваны из Марша, оставив его жителей на произвол бесчинствующих грабителей. Меньше чем через неделю турки вступили в город и вырезали больше двенадцати тысяч армян» [1, с. 161]. Со своим небольшим отрядом С. Торосян проявлял чудеса изобретательности, чтобы обеспечить армянскому населению защиту. Нередко на выручку ему приходило отличное знание психологии, взглядов и манеры поведения турецких офицеров.

В начале 1920 г., по мнению мемуариста, ситуация стала просто отчаянной. Сторонников Мустафы Кемаля он считал врагами, их действия – «бесчинством» [1, с. 163]. «Теперь став увереннее и сильнее, турки, – утверждал Торосян, – зверски убивали французских солдат, и таким образом предатели сами стали жертвами предательства. Страну охватил мятеж» [1, с. 163]. Некоторое время С. Торосян пытался вести против турок партизанскую борьбу, но затем осознал ее бесперспективность. «Действительность придавила нас, – отмечал он с горечью, – И я решил отложить саблю и револьвер. Киликия перестала быть родиной армян, она превратилась в кипящий котел, где в крови моего народа готовились и перемешивались бесконечные заговоры и интриги» [1, с. 170]. В итоге С. Торосян принял решение оставить военную службу.

Заключение

Обобщая факты истории армянского народа в Первую мировую войну, он делал крайне мрачные выводы о том, что все ведущие державы Европы стремились лишь использовать армянский народ, его стремление к независимости, в своих интересах.

Нелишне еще раз подчеркнуть: многие суждения С. Торосяна пристрастны. Что, однако, не снижает их ценности в качестве исторического источника. К сожалению, рецензируемая публикация мемуаров С. Торосяна имеет отдельные недостатки: прежде всего – отсутствие именного и географического указателей, а также очень немногочисленные и краткие комментарии к тексту. Тем не менее, вышедшая книга представляется существенным вкладом в историографию проблемы.

Список литературы

1. *Торосян С.* От Дарданелл до Палестины. Воспоминания армянского офицера турецкой армии. Ереван: Музей-институт геноцида армян, 2014. 176 с.
2. *Коленковский А.* Дарданельская операция. Второе издание. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1938. 136 с.
3. *Михайлов В.В.* Галлиполи 1915: могила русской мечты и британских солдат. СПб.: Нестор, 2010. 268 с.
4. *Михайлов В.В.* Британия и Россия в решении внутривосточных противоречий в Османской империи в годы I мировой войны. СПб.: Нестор, 2007. 283 с.
5. *Михайлов В.В.* Экономическое положение Османской империи перед началом и во время Первой мировой войны и мероприятия России и Великобритании по ослаблению турецкой экономики // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2007. Сер. 2. Вып. 4. С. 191–201.
6. *Михайлов В.В.* К вопросу о создании и боевых действиях армянских добровольческих формирований на турецких фронтах Первой мировой войны // Новый часовой. 2008. № 19. С. 77–85.
7. *Torossian S.* From Dardanelles to Palestine: A True Story of Five Battle Fronts of Turkey and Her Allies and Harem Romance (Personal Memoris). Boston: Merador Pub. Co, 1947. 219 p.